

Суй Чжунь остался очень доволен.

Стоило прозвучать фразе «чушь собачья», как слухи тут же получили нужный настрой.

Он ждал именно этих слов.

– И от кого же вы это слышали? – неторопливо убирая тесак, с леденящим спокойствием произнес он. – Если не назовете имя, значит, это придумали вы. Я продолжаю...

– Это Кайюнь-нян! – завопила баба так, что голос сорвался на фальцет.

Услышав свое имя, Кайюнь-нян вздрогнула всем телом и тут же затараторила:

– Не я! Я и сама только краем уха слышала от старухи Чжан...

Тут же выданная с потрохами старуха Чжан всполошилась:

– Эй, да ты что творишь-то? Мы все вместе болтали под баньяном, каждый язык трепал, почему ты запомнила именно меня? Ты специально...

– Не можешь назвать зачинщика — значит, это ты и придумала, – добросердечно повторил Суй Чжунь.

Старуха Чжан уже до смерти боялась этого улыбчивого Яньло*, всем телом дрожа и лихорадочно соображая. Наконец она выдала:

– Это... это отец Течжу!

Отец Течжу, разумеется, не смел признаться, что это собственный сын сболтнул ему лишнего, поэтому лихорадочно припоминал. В тот день сынок крутился со своим закадычным дружкой Годанем, наверняка услышал от него...

Годань завопил, что невиновен, и сослался на дядюшку Фа, мимо которого они проходили, когда работали в поле...

Дядюшка Фа стал оправдываться: мол, за азартными играми плешивый ляпнул лишнего...

С миру по нитке — и дело раскрыто.

Во всем виноват второй сынок семьи Тун!

Оказывается, хотя семейка Тун прогнила насквозь от корней, старая госпожа Тун отличалась лишь слепой любовью к младшим и злым языком, тогда как второй сынок, с виду честный и забитый трус, обладал поистине зловещим нутром.

Именно он втайне подсказал старой госпоже Тун выдать Тун Сю за худощавого коротышку ради выгодного обмена невестами*.

Во-первых, его старший сын уже вполне дорос до женитьбы, но в семье было пусто, и на свадьбу денег не нашлось бы.

Во-вторых, если Тун Сю выдадут замуж, не оборвется ли линия старшей ветви?

А все поля и надежды, числящиеся за старшей ветвью, тогда достанутся племяннику, то есть его собственному сыну!

Поэтому, когда из ниоткуда объявился этот зять-мужчина, больше всех засуетился именно он.

Это он подговорил худенького коротышку и старую госпожу Тун устроить грандиозный скандал на свадьбе.

Только вот он не ожидал, что свадьбу испортить не удастся, а самому придется раскошелиться на новое хлопковое ватное одеяние.

Всю дорогу домой он мерз, целый месяц ходил с заложенным носом, да еще и выслушивал горькие упреки от жены.

Старуха же, вдобавок к горечи утраты любимой трости, изо дня в день устраивала дома истерики, изводя его до полусмерти.

Каждую ночь, ворочаясь с боку на бок, он представлял, будто мнет зубами край одеяния старшей ветви семьи Тун, и мечтал разорвать его в клочья!

В конце концов он начал то тут, то там невзначай распускать выдуманные им же деревенские пикантные сплетни:

Тун Да совсем ослаб, невестка Тун изнывает от жажды, на все готова ради бродяги, да еще притащила его в дом, чтобы долго и сладострастно развлекаться вместе с женоподобным сыночком...

Выслушав всю подноготную этих слухов, односельчане наконец опомнились и начали рассуждать:

- И что с этим вторым Туном не так? Как может деверь вот так говорить о собственной невестке?

- Я с самого начала знал, что здесь что-то нечисто. Второй Тун что, под кроватью у них жил? Откуда ему знать все до мельчайших подробностей? Да это же чистой воды выдумки.

- Вот именно! Разве мы не знаем невестку Тун? Пусть она и выходит замуж во второй раз, ведет себя безупречно, она вовсе не такая женщина.

- Верно. По-моему, у самого второго Туна мыслишки грязные. Глянешь на его физиономию — сразу видно, нутро гнилое...

Наперебой зашумели сельчане.

Нашлись даже те, кто подошел лично и с глубоким смущением извинился перед Тун Сю.

Больше всех стыдилось семейство Ван, но они понесли тяжелейшие убытки, и цена оказалась слишком высока.

- Сю-гэ, это я глуп, послушал чужие измышления да языком попусту трепал, - смущенно залепетал Ван-мацзы. - Ну вот, ты и побил нас, и имущество разнес, давай на этом закончим.

А в мыслях молил: пусть твоя благоверная поскорее уберет этот тесак!

Тун Сю моргнул.

С самого начала уголки его глаз слегка защипало: словно ребенок, привыкший терпеть издевательства, он наконец дождался дня, когда кто-то заступился за него.

Впрочем, он вовсе не собирался проявлять излишнюю мягкость.

Суй Чжунь ради него полез в драку, и Тун Сю, разумеется, не мог ударить в грязь лицом перед мужем.

- Супруг, как думаешь? - обратился Тун Сю за мнением к Суй Чжуню.

Суй Чжуню было только в радость — он еще надеялся вечером полакомиться тофу*.

Ван-мацзы облегченно выдохнул, спешно вернулся в дом, вынес два куска соевого творога, которые они приберегли для себя, и насильно всучил их Тун Сю.

Наконец Суй Чжунь otvorил дверь, и толпа разошлась в мгновение ока.

Молодожены счастливые отправились домой.

По дороге Тун Сю болтал без умолку, куда оживленнее обычного, а на Суй Чжуня смотрел так, будто в глазах у него сияли звезды:

- Супруг, супруг, ты просто невероятен! Вот так встал, вот так пальцем указал...

Он снова и снова пересказывал случившееся, распаляясь все больше.

Это пьянящее чувство отмщения было потрясающим!

Как же чудесно иметь мужа!

Ворвавшись домой полные воодушевления, они поставили огромный котел с рисовым отваром, а вдобавок не пожалели ложку свиного жира, чтобы обжарить тофу. Запах стоял такой, что у Суй Чжуня слюнки текли.

Сытный ужин был готов.

Оба затаили дыхание в ожидании старшей невестки, чтобы наконец сесть за стол.

Однако, вернувшись, невестка Тун выглядела темнее тучи.

- Только что встретила Ван-мацзы, говорит, вы разнесли их большой чан для воды, - с каменным лицом произнесла она. - Требуем с меня сто взней компенсации!

Суй Чжунь: ...

Тун Сю: ...

Ах ты ж сукин сын Ван-мацзы, говорил же, что всё кончено, а сам исподтишка побежал жаловаться и требовать возмещения!

Оба виновато потупились, послушно сложив руки на коленях, точь-в-точь парочка провинившихся сорванцов, к которым домой пришли с претензиями.

- Вы, вы оба... - невестка Тун скрежетала зубами от злости.

Сердца Суй Чжуня и Тун Сю заколотились тук-тук, сблизившись сильнее, чем когда-либо прежде.

Они даже мысленно приготовились: если невестка схватит табуретку, они дадут драпака!

– И правильно сделали, что разнесли! – выпалила невестка Тун.

Оба замерли.

Ась?

– Вот же сукины дети, так очернить меня да еще смеют с меня же деньги требовать? Да мало они ему всё имущество переломали!

Невестка Тун кипела от праведного гнева и ругалась добрый час.

Между делом они ужинали: обратив скорбь и ярость в аппетит, она умяла две большие миаски каши и прикончила половину тофу.

Напоследок вытерев рот, она бросила решительный взгляд:

– Нет, так это дело оставлять нельзя!

Она резко поднялась на ноги:

– Идем к старосте рода, пусть рассудит по справедливости!

В доме старосты как раз ужинали. Отец старосты сам когда-то был во главе рода, но годы брали свое — пищеварение батюшки барахлило, и трапезничал он поздно.

Потому и ужин у них затягивался.

Стоило им только поднять миски, как скорбный вопль, подгоняемый ветром, донесся от самых ворот:

– Староста! Должен ты нас рассудить!

Староста чуть не выплюнул кашу.

– Семья Тун Да? Чего это вы спозаранку... то есть, с чего вдруг? – от кашля голос сорвался, и он закашлялся еще сильнее.

Невестка Тун залилась слезами:

– Староста, этот второй Тун повсюду распускает про меня грязные слухи, порочит мое имя! Умоляю, восстанови справедливость!

Староста нахмурился.

То, что произошло в доме Ван-мацзы, уже растрепали по всей деревне Баба.

Как второй Тун проявил бесчеловечность, как старшая ветвь семьи Тун натерпелась обид и как зять-мужчина одним взглядом готов горло перерезать...

Ой, то есть проявил невероятную доблесть и силу.

Об этом уже судачили все кому не лень.

Мнения на этот счет разделились.

Одни считали второго Туна подлым интриганом, что людям жизнь ломает; другие — что старшая ветвь поднимает бурю в стакане воды и шуток не понимает; третьи и вовсе твердили, что такого буйного зятя лучше немедленно выгнать...

Но староста оставался главой рода, а потому не мог рассуждать с позиции простого обывателя — ему приходилось думать о роде в целом.

Ему казалось, что столь громкий скандал, поднятый старшей ветвью, бросает тень на всю фамилию Тун.

<http://bllate.org/book/19375/1893808>